

ЛЕКЦИЯ 11

И. Л. Сахно

ОСМЫСЛЕНИЕ САМОГЛАСНА И СУДЬБА ПОДОБНА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ БОГОСЛУЖЕНИИ

Пение «на подобен» — способ исполнения богослужебного текста по готовому мелодическому образцу. Практика подобнов особенно была развита во времена расцвета песнотворчества (то есть поэтического наполнения богослужения), где автор сочинял текст, заведомо ритмически соответствующий какому-нибудь известному, бытовавшему тогда мелотипу. Соответствие стиха с мелодическим образцом должно быть таковым, чтобы в них совпадали объём текста, метроритм, количество слогов и строк. Также и стилистика стиха должна перекликаться с поэтическим содержанием самого образца. Эти изначальные образцы, именуемые самоподобнами, составлялись древнейшими песнотворцами, в том числе для более лёгкой усвояемости текста догматического, богословского, славильного, покаянного, «житийного» (и других) содержания. Поскольку Самоподобен составлялся для широкого употребления, постольку в ладовом и ритмо-мелодическом отношении он был и остаётся очень простым. Именно в простоте его главное достоинство. Пение «на подобен» широко применяется в современном богослужении православной церкви. В греческом обиходе есть как минимум два самоподобна, дошедших до нас из глубин веков. Известный афинский исследователь и практик Ликург Ангелопулос (†18.05.2014) сообщает об этих песнопениях, что зафиксированными в рукописях они встречаются с XI века, а до этого бытовали в устной традиции. Это косвенно подтверждают и другие сопоставления¹.

¹ Кондак Рождеству и кондак Богоявлению относятся к разным гласовым системам. При этом их ладо-мелодическое содержание почти идентично, что с большой вероятностью свидетельствует (при наличии их в древнейших рукописях) в пользу их додамаскиновского происхождения, когда осмогласие, возможно, не обрело ещё законченной системы.

С большой долей вероятности можно предположить, что их мелодии были сочинены вместе с текстами в V—VII вв., либо уже тогда бытовали и были использованы автором, как метроритмический образец для сочинения своего текста. Позднее наиболее вдохновенный текст данного автора мог заглушить менее яркий изначальный текст самоподобна. Прежний текст со временем забывался, а самоподобен в дальнейшем идентифицировался уже с новым. Речь идёт о кукулионах — кондаках Рождеству Христову «Дева днесь» и Благовещению «Взбранной Воеводе». Согласно преданию, история их вкратце такова.

Роман, родом происходивший из Сирии, служил диаконом в константинопольском храме в V—VI вв. При этом певческих и поэтических дарований он не имел, чем вызывал насмешки со стороны сослуживцев, таких же молодых людей, но превосходивших его на тот момент и в даре слова, и в пении. Согласно другой (греческой) версии, у Романа была какая-то болезнь, проявлявшаяся в немощи диафрагмы, из-за чего он не мог громко и внятно произносить возгласы, а тем более петь, что входило в его прямые обязанности. В довершении его переживаний по этому поводу Романа с умыслом назначили петь гимн Божией Матери на всенощном бдении в честь Рождества. Надо сказать, что умысел этот, будучи изначально недобрым, послужил к славе Божией, к благодатному восприятию той обильной милости, которую Господь изливает на чистых сердцем. Роман, опечаленный грядущим позором, уединился в своей келье для горячей молитвы. Стоя на коленях у образа Божией Матери, от утомления и душевного напряжения он вскоре заснул. В наиболее тонком состоянии души, коим является сон, он увидел, что перед ним действительно стоит Пресвятая Богородица. Она протягивает ему бумажный свиток с повелением проглотить его, а также вручает монету. Роман с трепетом и радостью исполняет повеление. Проснувшись, он увидел в своей руке монету и воодушевлённый смело пошёл исполнять своё певческое послушание. «Житие» умалчивает о реакции «заговорщиков» и добро- или злорадствовали они внезапно открывшемуся таланту Романа, но плоды всей его последующей творческой жизни дошли до наших дней огромным количеством его вдохновенных творений, первым из которых и был кондак Рождеству Христову.

Кондак¹ — жанр церковной поэзии, введение в богослужебную практику которого церковь приписывает преподобному Роману Песнопевцу (Сладкопевцу), дьякону храма во имя Пресвятой Богородицы (как жанр кондак был известен и ранее). Он состоит из одной, или нескольких кратких строф — вступлений, (называемых собственно кондаками или куку-

¹ Κοντάκιον — (иногда) малый свиток.

лионами¹) и следующих один за другим более пространных икосов² (количеством от восемнадцати до двадцати четырёх; кондак — достаточно объёмное произведение). У всех строф единый рефрен, отражающий суть праздника. К сожалению, со временем традиция составления к праздникам и исполнения кондаков угасла, их место заняли другие жанры. Тем не менее, немецкий византинист К. Крумбахер, издавший полное собрание гимнов Романа, признаёт, что по поэтическому дарованию, одушевлению, глубине чувства и возвышенности языка он превосходит всех других греческих песнотворцев. В нашей службе Рождеству из всего кондака сохранился лишь один кукулион и один икос. Этот-то кукулион (в современной практике именуемый кондаком) и явился самоподобном третьего гласа «Дева днесь...». Все кондаки и икосы, встречающиеся в службах главным (т. е. Дванадесытым) праздникам, церковь относит к вдохновенному перу преподобного Романа.

Часть исследователей относит к творчеству Романа и родственный Кондаку жанр Акафиста. Форма Акафиста отличается от Кондака чередованием 13-ти кондаков (кукулионов) с рефреном «Аллилуиа» (кроме первого) с более пространными 12-ю икосами с рефреном «Радуйся...». Первый кондак «Взбранной Воеводе...», помимо основного своего исполнения — раз в году на Утрени 5-й седмицы Поста, является и кондаком праздника Благовещения. Он же служит и самоподобном для некоторых других кондаков 8-го гласа.

Другие исследования соотносят жанр акафиста с именем патриарха Сергия, или Георгия Писиды — современников чудесного заступления Божией Матери и избавления Константинополя от осады аваров и персов в VII веке. Возможно, именно в честь этого события автор написал вдохновенную «неседельную» (ᾠὸς ἀσέδελος) песнь Божией Матери, или же дополнил и редактировал уже существующий тогда гимн, так как отдельные строфы и строки из акафиста были известны задолго до Сергия и Георгия.

Каждая из разновидностей богослужебных песнопений, таких, как: стихира, тропарь, седален, кондак и светилен, в греческой традиции в каждом из восьми гласов имеют от одного до нескольких самоподобных. Надо отдать должное устойчивой культуре и сохранению греками своих традиций. Не только существующие тексты, но и тексты, составленные новыми пиитами новым святым на определённый подобен, действительно соответствуют прототипу по своему объёму, количеству мелодических строк и слогов.

¹ Κοῦκοῦλι — клобук.

² Ὀῦκος — покой, келья.

В отличие от пения «на подобен» **самогласное** пение должно обладать большей мелодической индивидуальностью, самостоятельностью и свободой, а зачастую и сложностью. В Двенадцатых праздниках и Пасхе большинство стихир не составлены на подобен, а поются «самогласно». Имеется в виду, что самогласен не предполагает точного следования какому-нибудь прототипу. Для самогласного пения нужно знать необходимый для распевания текста тип мелоса (чаще всего им бывает силлабический, или невматический мелос¹), а также необходимый набор попевок, или мелодических строк. Строки эти чередуются по системе более свободной, чем в подобнах, а также соотносясь со смыслом текста. Количество слогов и строк в разных самогласных стихирах одного праздника и даже следующих одна за другой может быть свободным.

Пример. Древний самоподобен «Дева днесь» (1) и его два подобна: кондак святителю Николаю (2) и кондак святым равноапостольным Константину и Елене (3):

1. Η παρ-θέ-νος σή-με-ρον τόν υ-πε-ρού-σι-ον τί-κει· \
2. Εν τοῖς Μύ-ροις ἁ-γί-ε ι-ε-ρουρ-γό α-νε-δεί-χθης· \
3. Κονσταν-τί-νος σή-με-ρον σύν τῇ μη-τρί τῇ Ε-λέ-νῃ \

καί η γή το σπή-λαι-ον τῷ α-προ-σί-τῳ προ-σά-γει· \

τοῦ Χρι-στοῦ γάρ, ὁ-σι-ε το ευ-αγγ-ε-λι-(ον) πλη-ρώ-σας· \

τόν Σταυ-ρόν ἐμ-φαί-νου-σι, το παν-σε-βάς-μι- - -ον ξύ-λον, \

ἁ-γγε-λοι με-τά ποι-μέ-ων δο-ξο-λο-γού-σι· \

ἐ-θη-κας () τὴν ψυ-χὴν σου υ-πέρ λα-οῦ σου, \

πάν-των μέν τῶν ι-ου-δαί-ων αι-σχύ-νῃν ὄν-τα \

μά-γοι δὲ με-τά ας-τέ-ρος ο-δοι-πο-ρού-σι· \

ἐ-σω-σας () τοὺς α-θώ-ους ἐκ τοῦ θα-νά-του· \

ὁ-πλον δὲ πι-στῶν α-νάκ-των κατ'ε-ναν-τί-ον \

δι' η-μάς γάρ ε-γεν-νῇ-θη πα-δί-ον νέ-ον, ο πρό αι-ώ-ων Θε-ός· \

δι-ά τοῦ-το η-γι-άζ-θης, ὡς με-γας μύς-της Θε-οῦ τῆς χά-ρι-()-τος· \

δι' η-μάς γάρ α-νε-δεί-χθη σῃ-μεί-ον μέ-γα καί εν πο-λέ-μοις φρι-κτόν· \

¹ Тип мелоса (силлабический, невматический и мелизматический) зависит от соотношения количества звуков, которыми распевается один слог текста.

Если в кондаке св. Николаю относительно мелотипа один слог лишний и три пропущено (что изредка допускается за счёт повторения или пропуска звука в силлабических фрагментах подобна), то в песнопении праздника Елене и Константину наблюдается полное совпадение слогов и даже ударений с самоподобном.

Разницу же, например, между двумя подряд идущими *самогласными* стихирами Андрея Иерусалимского Рождеству Христову сразу видно даже по их объёму:

Ευφραίνεσθε, δίκαιοι; ουρανοί, αγαλλιάσθε; σκιρτήσατε, τά ὄρη, Χριστοῦ γεννηθέντος. Παρθένος καθέζεται, τά Χερουβίμ μπουμένη, βαστάζουσα εν κόλποις Θεόν Λόγον σαρκωθέντα. Ποιμένες τόν τεχθέντα δοξάζουσι, Μάγοι τώ Δεσπότῃ Δώρα προσφέρουσιν Ἄγγελοι ανυμνούντες λέγουσιν; Ακατάληπτε Κύριε, δόξα σοι.

Ο Πατήρ ευδόκησεν, ο Λόγος σάρξ εγένετο; καί η Παρθένος έτεκε Θεόν ενανθρωπήσαντα. Αστήρ μηνύει; Μάγοι προσκυνούσι; Ποιμένες θαυμάζουσι, καί η κτίσις αγάλλεται.

Итак, главные два качества пения на подобен — точное следование образцу (самоподобну) и его простота и запоминаемость. В свою очередь распевание самогласна (наиболее простые и яркие образцы которого иногда могут послужить самоподобными для каких-нибудь новых текстов) не предполагает следования прототипу и по своей структуре всегда сложнее пения на подобен.

В связи с выше резюмированными свойствами греческих самогласна и подобна возникает проблема их понимания в нашем отечественном богослужении. Вместе с христианством к нам пришло греческое богослужение в полном объёме. В своё время все основные тексты были переведены на богослужебный язык нашей и других славянских церквей — церковнославянский. Следуя не только духу, но и букве канона, в полноте своей сохраняя Предание, наша церковь в переводах часто оставляла моменты, не адаптированные к нашим условиям. Например, воззвание в Возгласе священника ко Господу, как «Упованию всех концов земли и сущих в море далече» было уже тогда, когда на Руси ещё в помине не было моря. Разумеется, такие особенности, как пение самогласное и на подобен не могли не перейти в наше богослужение. Перевод текстов на церковнославянский язык повлёк за собой нарушение принципа действия подобна. Пример:

Н	Пар	—	θέ	—	vos	σή	—	με	—	ρον ...
[И	Пар	—	тэ	—	нос	си	—	ме	—	рон] — 7 слогов.
	Де	—	ва		днесь					— 3 слога.

При адаптации к церковнославянскому тексту либо придётся силлабику объединять лигой, подвергая наш перевод мелодической нелогичности, где явно будет узнаваться чуждый, иноязычный прототип и это будет выглядеть, как подстрочник, либо, творчески подходя к адаптации, придётся пожертвовать целым мелодическим оборотом (!), подвинув вправо первое слово и совместив его ударение с первым ударным слогом второго греческого слова:

(И Партэнос) си — ме — рон — 3 слога.
Де — ва днесь — 3 слога.¹

В других случаях, где при переводе образуется больше слогов, чем в греческом подлиннике (либо при большом несовпадении ударений), приходится добавлять звуки в силлабических, равных по высоте фрагментах самоподобна, а иногда и небольшие мелодические обороты. Перевод других греческих подобинов данного самоподобна будет сопряжён с ещё большими трудностями. Таким образом, о точном следовании самоподобну в нашей традиции речь не идёт. Другие православные церкви с несформировавшейся по понятным историческим причинам национальной церковно-певческой традицией (Болгария, Сербия, Румыния) в современном богослужении следуют исключительно византийской традиции пения, включая невменную нотопись. Мелодии греческих подобинов, как правило, адаптируются у них к переводу по вышеприведённому примеру. Такая адаптация допускает либо исполнение сходу одним опытным певцом, либо требует предварительной письменной фиксации для исполнения хором, что полностью или частично изменяет смысл пения текста «на подобен».

Сильные культуры, такие, как русская или грузинская, сумели сформировать национальную богослужебно-певческую традицию. Как же происходит пение на подобен в такой самостоятельной певческой традиции, как наша — в столповом распеве? Поколения распевщиков сделали всё возможное, чтобы сохранился принцип пения на подобен, который позволял бы сходу исполнять незнакомый текст всем хором, держа в памяти лишь мелодическую схему самоподобна. Принцип этот сильно отличается от греческого. Вместо точного совпадения слогов и ударений, наш самоподобен разбит на мелодические строки, отчего произошли их названия: пятистрочен, девятистрочен и т. д. Это не всегда означает, что в девяти-

¹ В данном конкретном случае болгарские переводчики произвели адаптацию *текста*, добавив одно слово: «Владычица Дева днесь» — 7 слогов.

строчне все девять строк будут разными. Там может быть своеобразно повторяющийся набор из трёх—четырёх строк. Как правило, строка содержит начальный и заключительный оборот, между которыми — речитация. Оборот может включать простой мотив, или интонацию, исполняемые как распевно, так и быть разбитыми на слоги, если того требует смысл, словосочетание и ударения¹. Под такую систему подходит любой неудобораспеваемый перевод. В среде семинаристов, всегда славившейся свежей, остроумной шуткой, вывешенные на экран успеваемости предупреждения и выговоры принято распевать на разные гласы и по подобнам. Это лишний раз доказывает максимальное удобство системы пения на подобен в нашей традиции. Наш подобен может сильно отличаться от образца — самоподобна: неидентичное относительно прототипа количество слогов в словах, сильное смещение ударений. Подобен в нашей традиции соответствует самоподобну лишь приблизительно одинаковой интонационной схемой. Если в строке самоподобна есть распев на какой-нибудь слог, то и в подобне, в идентичной строке будет этот же распев на подходящий слог, или же он будет разбит на несколько слогов, сохраняя интонацию.

Пение на подобен всегда считалось простым и менее торжественным, чем самогласное. По этой причине в Пасхе, воскресных 8-ми гласах и Дванадесятых праздниках подавляющее большинство стихир (особенно на «Господи воззвах») имеют указание петься самогласно, а в остальных торжествах — на подобен. Какую же роль самогласен играет в нашей певческой традиции, каково его значение в нашей службе и сохранился ли смысл, изначально вложенный в понятие «самогласное пение»? Беглый взгляд на форму Столпового, или Киевского самогласна обнаружит полную аналогию в принципах исполнения с пением на подобен. *Здесь речь идёт только лишь о краткой разновидности самогласна, которая широко употреблялась и, несмотря на трёхвековые культурно-церковные перипетии, сумела сохраниться до наших дней.* При рассмотрении краткого столпового, или киевского самогласна обнаруживается тот же принцип набора мелодических строк, как и у подобна, с тем лишь отличием, что они в основном ещё более просты, как сами по себе мелодически, так и система их чередования. Если в самоподобне строки часто могут чередоваться без видимой системы (в каких-то местах одна и та же строка может сразу повториться, или неожиданно внедриться добавочная), то в самогласне всё предельно просто: типичные строки чередуются одна за другой и столько

¹ Впрочем, у некоторых старообрядцев есть традиция, претендующая на древность, не принимать во внимание ударений.

раз, сколько нужно по объёму текста. Это чередование может происходить как между всеми (кроме заключительной) строками, так и исключая первую, например:

1-й глас киевского распева: А — Б — В — Г, — А — Б — В — Г, — А — Б — ... Д.

2-й глас киевского распева: А — Б — В, — Б — В, — Б — В, — Б — ... Г.

При пении на подобен весь текст необходимо рассчитать на определённое количество строк, для чего предварительно, с карандашом в руках он разбивается по заданному числу строк так, чтобы при этом не пострадал смысл. В кратком же самогласне такая предварительная разбивка на строки не обязательна, поскольку цикл его строк может беспрепятственно повторяться необходимое количество раз, затем остановиться на любой из них, после чего идёт заключительная строка. По сравнению с пением на подобен совершенно очевидна ещё большая простота пения самогласна. Получается, что самогласен ещё более «подобен», чем настоящий подобен. Простоту так называемого самогласна ещё больше можно оценить при пении стихир, составленных новыми пиитами новопрославленным святым. Очевидно многие из них, досконально изучив житие святого и, возможно, овладев всеми тонкостями богословия и красноречия, не посчитали нужным уделить немного внимания таким «маловажным и второстепенным» моментам, как форма, тесно связанная с ритмомелодическим наполнением. Зачастую их творения выходят далеко за рамки самоподобна. Здесь на помощь и приходит краткий самогласен¹, хотя словосочетание: пение «на самогласен» (как «на подобен») является абсурдным. *На* самогласен петь не возможно. На то ведь он и *само*гласен — нечто индивидуально распетое, не следуемое образцу.

По причине простоты и лёгкости в употреблении краткого самогласна более сложное пение на подобен в отечественной богослужебной практике отмирает. По этой же причине исчезает и понятие Самогласна. Единственное, что действительно соответствует изначальному смыслу термина «самогласен» — это распевные столповые стихиры, изложенные в невматическом мелосе. В нашей канонической богослужебно-певческой традиции — столповом (знаменном) распеве — невматический самогласен и силлабический подобен в общем соответствуют своему назначению и смыслу. Проблема в том, что краткий ныне употребимый самогласен превратился

¹ В терминологическом обиходе Древле-православной (старообрядческой) церкви эти краткие самогласны обрели неофициальное, но меткое наименование — *гласовые напевки*. Пожалуй, именно оно более всего соответствует принципу и характеру столповых кратких самогласнов.

в подобен, а подобен почти исчез. Поскольку же в течение трёх веков велась непримиримая борьба с допетровской «архаикой» и удар был нанесён не только по канонической иконе, но и пению, постольку невматический самогласен, олицетворявший, между прочим, певческий богослужебный язык — столповой роспев, в нашей церкви исчез окончательно. При догматической полноте русской церкви, она начисто лишилась рождённого в её лоне и воспитанного вселенским церковным опытом — преданием — стиля искусства, который бы соответствовал богословской глубине, сакральности и активной созерцательности православной службы. Собственно, исчез не подобен (так как его место занял краткий самогласен), а исчезла неповторимая традиция пения сложного распевного самогласна, который всегда был символом осмогласия. И, если считать верным определение церковного предания, что пение в церкви должно осуществляться по канонам осмогласия, тогда у нас в современной практике действительно отсутствует богослужебное пение. Практическое исследование состояния отечественного пения показывает, что почти все неизменяемые песнопения составляют частные произведения светских композиторов, исполненные в (не всегда лучших) традициях западного музыкального искусства. Изменяемые же песни, повествующие о смысле праздника такие, как: стихиры, тропари, кондаки, седальны и т. д., если и поются (!), то по самому примитивному, будничному мелодическому типу, по которому не всегда можно уловить признаки гласовой принадлежности, не говоря уже о той роли мелодии, которую она играет в направлении ума и души внутрь смысла (таков, например, киевский тропарный 4-й глас, а тропарный 8-й вообще звучит, как насмешка над осмогласием). Осмогласие, а значит и вообще церковное пение как раз и выражается в богатых воскресных и праздничных *самогласнах*, в великораспевных «славниках», воскресных догматиках и т. д.

Неизменяемые песнопения в столповом распеве также достаточно насыщены мелизматически, но главный смысл и красота осмогласия и у нас — в столповом распеве, и в Греции — конечно же в распевных самогласнах, которые в современной отечественной богослужебной практике, к сожалению, давно забыты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герцман Е. Гимн у истоков Нового Завета [Текст] / Е. Герцман. — М., 1996. — 288 с.
2. Герцман Е. Тайны истории древней музыки [Текст] / Е. Герцман. — СПб., 2004. — 570 с.

3. *Икономов Т.* Обширен псалтикиен възкресник. Осмогласник, утрени възкресни стихири [Ноты] / Т. Икономов. — Репр. воспроизведение изд. с издания Цариград 1872. — с. Скрино-Руен: Братството на Мъжка общежителна Света обител «Св. Иоан Рилски». — 132 с.
4. Псалтикиен възкресник осмогласник [Ноты] / Сост. Манасий п. Тодоров. — София: Синодално издателство, 1992. — 222 с.
5. *Филарет (Гумилевский).* Исторический обзор песнопевцев и песнопения греческой церкви [Текст] / Архиепископ Филарет (Гумилевский). — Репр. воспроизведение издания Свято-Троицкой Сергиевой Лавры 1902 г. — СПб., 1995. — 400 с.
6. Ἀναστασιματάριον ἁγρόν καὶ σύντομον / ἦταν Πέτρος Λαμπαδάριος, Ἰωάννης Προτοψάλτης. — Ἀθήναι. : Ἀδελφότητος Θεολόγων ἡ «Ζωή», 1990. — 484 σ.
7. Μουσικός πανδέκτης. Τόμος 3 Ἑιρμολόγιον. — Ἀθήναι: «ΖΩΗ», 1990. — 401 σ.
8. Μέγας ἱερός συνέκδημος τοῦ ὀρθοδόξου χριστιάνου / Ἀθήναι: «ΦΩΣ», [χ. έ.]. — 1000 σ.